

И. П. ЛАВРОВ

РИСУНКИ ОННО

(К мифологии чукчей)

Мое знакомство с Онно произошло на чукотской культбазе при заливе Лаврентия, где в 1939—1940 гг. я преподавал в школе и занимался изучением чукотского искусства. Вскоре я узнал, что Онно — превосходный мастер резьбы по кости. Этому искусству он научился у своего отца. Бывая в Дежневе и Уэллене — центрах промысловой резьбы по кости, Онно встречался с лучшими мастерами побережья и прекрасно усвоил технику резьбы и гравюрного рисунка на клыке. Его работы, отличающиеся своеобразными композиционными приемами, глубоким знанием зверей и подробностей чукотского быта, вызвали во мне желание ближе познакомиться с их исполнителем. Онно, хотя и плохо говорил по-русски, оказался словоохотливым, и я узнал, что он родом из близлежащего селения Яндагай и в детстве по настоянию отца-шамана тоже готовился к шаманской практике и прошел специальное обучение у известного шамана Тамнэ.

Организация культбазы, открытие школы, больницы, дома народов Севера и развернувшаяся культурно-массовая работа в окрестных селениях открыли перед творческими силами чукотской молодежи новое широкое поле деятельности, не связанной с миром анимистических представлений. С другой стороны, огромный интерес к чукотским изделиям, проявляемый приезжими русскими, вызывал в Онно сильное желание показать им свое умение резать по кости и знание чукотской природы и быта. Все это вселило в Онно сомнения в правильности жизненного пути, указанного ему отцом-шаманом, и заставило его отказаться от намерения стать посредником между людьми и духами, которые, хотя казались ему еще где-то существующими, но уже не проявляли своего могущества и никогда не появлялись там, где были русские. Онно остался на культбазе, усиленно начал заниматься искусством и скоро прославился как лучший художник побережья. Однако он не только не скрывал своего неудачного опыта достижения шаманской силы, но, наоборот, довольно охотно рассказывал мне различные необычайные случаи, связанные с фантастическим миром шаманских видений, причем большей частью воздерживался от критических суждений и на мои вопросы отделивался обычным среди чукчей: «не знаю, так говорили».

Рассказы Онно показались мне интересными. Не занимаясь тогда вопросами религии, я все же понимал, что рисунки на мифологические темы могли бы иметь значительный не только художественный, но и научный интерес. Однажды, после рассказа Онно о том, как его мать, находясь одна ночью в яранге (чукотское жилище), увидела, как из моря вышел «анкы-келе»¹ — морской дух и заглянул в полог (внутренняя часть яранги), я видел по лицу рассказчика, что он очень ясно

¹ Транскрипция чукотских слов как здесь, так и всюду в тексте проверена плуораветланско-русскому (чукотско-русскому) словарю В. Г. Богораз, 1937.

представляет себе образ этого увиденного его матерью «келе». Я попросил его нарисовать все, как было. На другой день Онно принес мне рисунок. С этого и началось систематическое рисование Онно мифологических сюжетов. Сюжеты выбирались самим Онно или иногда подсказывались мной, т. е. я его просто спрашивал, не слышал ли он, например, о «Гынон-гатле» или «Пичвучине». Обычно Онно отвечал утвердительно и через некоторое время приносил рисунок, поясняя нарисованное. Рисовал Онно не всегда охотн, часто с большими интер-

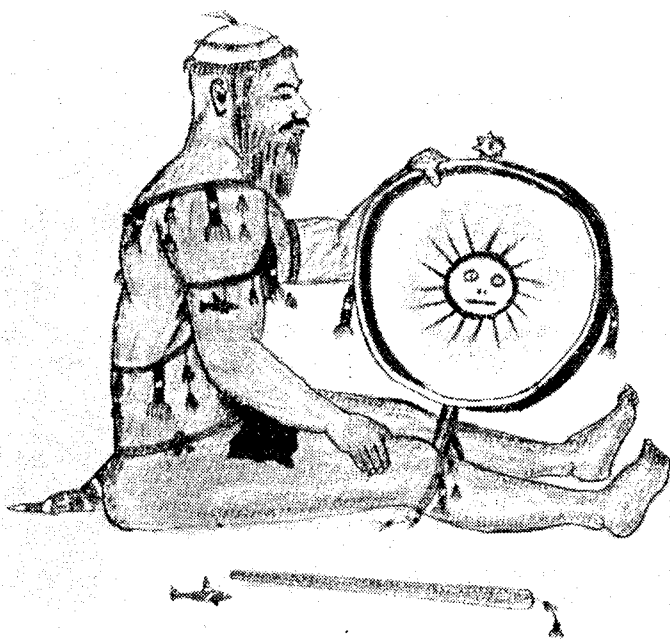

Рис. 1

валами. Но иногда я видел, что он увлекался, и тогда появлялись последовательно выполненные рисунки, связанные общей темой. Так появилась серия о Пичвучине и шаманском камлании.

Первый рисунок, о котором я уже упомянул, сделанный Онно необычным для него материалом — цветными карандашами, не отличается особым мастерством в композиции и исполнении, однако образ морского духа был убедителен даже с точки зрения его соотечественников, которым я показал этот рисунок. Анкы-келе представляется им именно в таком виде.

Первый лист, состоящий из двух рисунков — в профиль и анфас (рис. 1 и 2), представляет собой изображение шамана с яраром (бубном) и шаманскими помощниками в виде касатки, кита и остроголового «келе», сделанных из дерева. Интересны изображения солнца на крышке бубна и полярной звезды на ободке, появившихся в шаманской практике на позднейшей стадии развития шаманизма. Интересно также неизвестное до последнего времени специальное облачение чукотского шамана, состоящее из соединенных между собой ремней из выделанной и окрашенной в красно-коричневый цвет нерпичьей кожи, украшенных полосками красной материи с кисточками из собачьего меха. На груди ремни скреплены кружком, оттороченным собачьим мехом и обозначающим луну, с нашитыми на нем вырезанными из нерпи-

чьей кожи силуэтными изображениями антропоморфного помощника и собаки². Любопытна прическа шамана, отличающаяся от обычной чукотской, с двойной бахромой волос на выстриженной голове и кисточкой на темени. Густая борода, редко встречающаяся среди чукотского населения, и набедренная повязка с нашитыми на концы крестами из белой кожи дополняют своеобразный облик этого (одного из последних) представителя шаманского культа. Выразительность и реалистичность изображения обнаженной фигуры придают этим рисункам документальный характер.

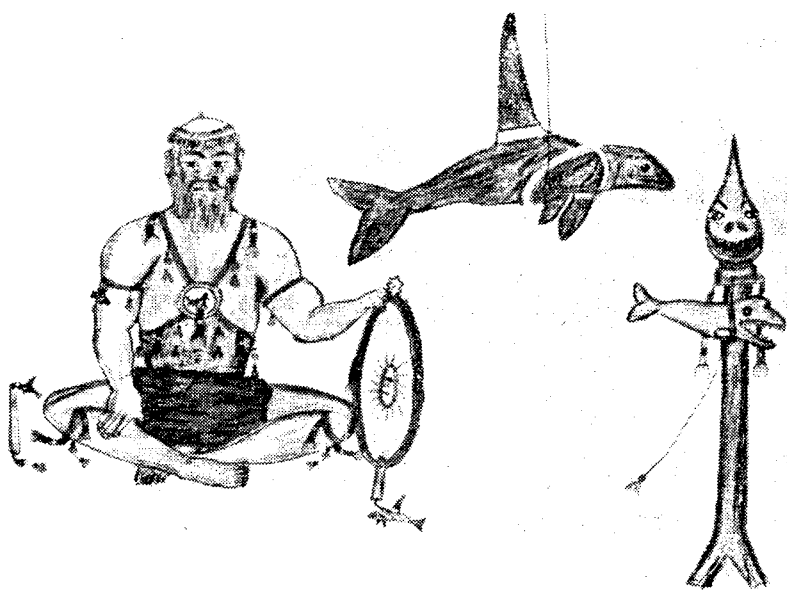

Рис. 2

В. Г. Богораз считал, что «чукотское шаманство не достигло еще той ступени развития, на которой имеются специально шаманские бубны, одежда и прочие принадлежности»³. Однако не только рассматриваемые нами рисунки, но и коллекции, хранящиеся в Анадырском музее, говорят о другом; там имеется целый комплекс шаманских принадлежностей, включающий специальную одежду (обувь, головной убор, перчатки) и различные декоративные и даже «механические» приспособления, привлекаемые шаманами позднейшего времени для более сильного воздействия на поколебавшихся в вере в шаманское могущество. Наиболее любопытным предметом Анадырского собрания является сделанная из фанеры, раскрашенная яркими красками модель самолета со спрятанным внутри обрезом винчестера. Самолет, приводимый в движение системой ремней, наподобие известного на побережье ритуального сооружения, применяемого на праздниках «Ке-

² Подобные кружки из кожи, оттороченной мехом, с изображениями антропоморфной фигуры и собаки, описаны В. Г. Богоразом как амулеты, являющиеся у тихоокеанских коряков и эскимосов наиболее действительными охранителями.

³ Там же, стр. 136 (гл. «Шаманская одежда»).

реткуна» и «гагары», описанных Богоразом, в нужный момент производит оглушительный выстрел. Это интересное изобретение шаманства XX в., повидимому, является модернизацией материализованной идеи полета, уходящей корнями в глубокое прошлое, ко времени существования на Чукотском побережье древнего берингоморского периода эскимосской культуры. В археологических коллекциях, опубликованных американскими археологами Коллинзом и Рейни, а также в коллекциях Чукотской экспедиции 1945 г. имеются подобные крылатые предметы неизвестного назначения, которые, по нашему мнению, являются прототипами реалистических изображений гагары-чайки и ультра-современного шаманского самолета.

Другие предметы современного шаманского инвентаря, собранные нами на Чукотском побережье, также позволяют внести исправления в описание В. Г. Богораза, относящееся ко времени его пребывания на Чукотке.

Изображение 3-е начинает серию рисунков о «Пичвучине». Пичвучин — хозяин зверей; обычно он очень маленький — с человеческий мизинец, живет в тундре. Пичвучин — охотник. Главную его добычу составляют мыши, которых ему, однако, не так просто добывать. Он-но рассказывал мне, что один охотник в единоборстве никак не мог одолеть медведя, а неподалеку Пичвучин не мог справиться с мышью. Когда стемнело, они договорились помочь друг другу. Охотник носком придавил мышь, а Пичвучин, сделавшись вдруг великаном, схватил медведя и так швырнул его на землю, что тот издох⁴.

Пичвучин иногда выходит на берег моря поохотиться на китов. Громадный кит плавает в море у самого берега, не обращая внимания на крошечную фигурку Пичвучина, вооруженного гарпуном⁵.

О том, как мал Пичвучин, и о том, как этот владыка зверей-великанов беспомощен в царстве мелких животных, можно судить по рис. 3, где Пичвучин нарисован испугавшимся маленькой рыбки (наваги). Рядом со следами Пичвучина нарисован след обычной человеческой ноги. Пичвучин так мал, что шероховатость на береговой кромке льда, незаметная для человека, для него является серьезным препятствием. Но вот наступает ночь, и Пичвучин, решив «загарпунить» кита, превращается в великана. О, как он велик, этот Пичвучин, выше самых высоких гор! Головой он почти упирается в звездное небо; жилища прибрежного селения — яранги так малы, что самая большая из яранг могла бы легко уместиться на ладони великана.

Кстати сказать, внешне владыка зверей выглядит совсем, как чукча, в обычной белой камлейке из миткаля поверх меховой одежды. И лицом Пичвучин — настоящий чукча, только очень уже велик. Кит загарпунен, гарпун застрял глубоко в его теле. С помощью ремня, привязанного к гарпуну, Пичвучин вытягивает кита из воды. Огромный кит, если его поставить на хвост, будет ему только по пояс. На рис. 4 показано, как Пичвучин, свернув ремень гарпуна и надев его на плечи, по чукотскому

⁴ В. Г. Богораз посвятил Пичвучину (в главе «Владетели или хозяева» 2-го тома монографии о чукчах) поэтическое описание, почти слово в слово совпадающее с тем, что я слышал о Пичвучине от Онно и других «сведущих людей» (обычно стариков) на побережье. Может быть, небезинтересно отметить, что описание В. Г. Богораза несколько богаче деталями и образными сравнениями. Высоко поэтический миф о Пичвучине, в настоящее время утративший связь с обрядовыми действиями, видимо, скоро останется только в детских сказках и своеобразных играх — фигурах, вывязываемых чукотскими детьми на пальцах из шнура под названием «пипикильгы-геке-нылын» — мышинный ездок.

⁵ Из серии рисунков о Пичвучине и шаманском камлании, связанных общей линией развития сюжета, здесь дается только часть. Для сохранения связи в повествовании отсутствующие рисунки заменены описанием.

обычаю (так поступают, когда нужно нести небольшой кусок мяса, чтобы не испачкать одежду), подрезал шкуру кита наподобие ручки

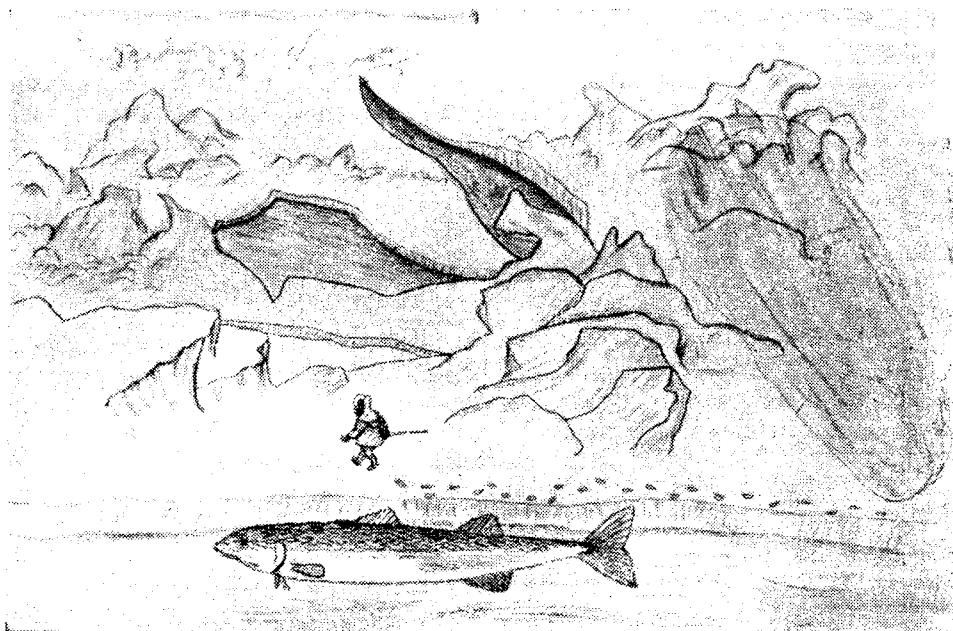

Рис. 3

Рис. 4

и легко, как с чемоданчиком в руке, уходит в тундру, перешагнув через селение. Только огромное кровавое пятно на береговом припае (лед, смерзшийся у берега) остается на месте его охоты.

Иногда Пичвучин посещает береговые селения с тем, чтобы посмотреть, как живут люди. О нем узнают по следам на снегу, подобным цепочке мышиных следов⁶.

Далее в рисунках, которые за недостатком места не могли быть здесь помещены, повествуется о том, как однажды охотник, вернувшийся с промысла поздно ночью, стал снимать обувь. В это время ему слышалось, что кто-то подошел ко входу в ярангу и тихонько кашляет. Усталый охотник не вышел встретить ночного посетителя, решив, что, если кому нужно, он и сам войдет в ярангу и скажет, зачем пришел. Утром оказалось, что цепочка крошечных следов вела от яранги к яранге и уходила в тундру.

Охотник отправился по следу, который привел его на берег реки, где он увидел маленькую спящую человеческую фигурку. То ли не знал он, что людям нельзя видеть Пичвучина, то ли взяло верх любопытство, только вместо того, чтобы уйти и принести Пичвучину в определенном

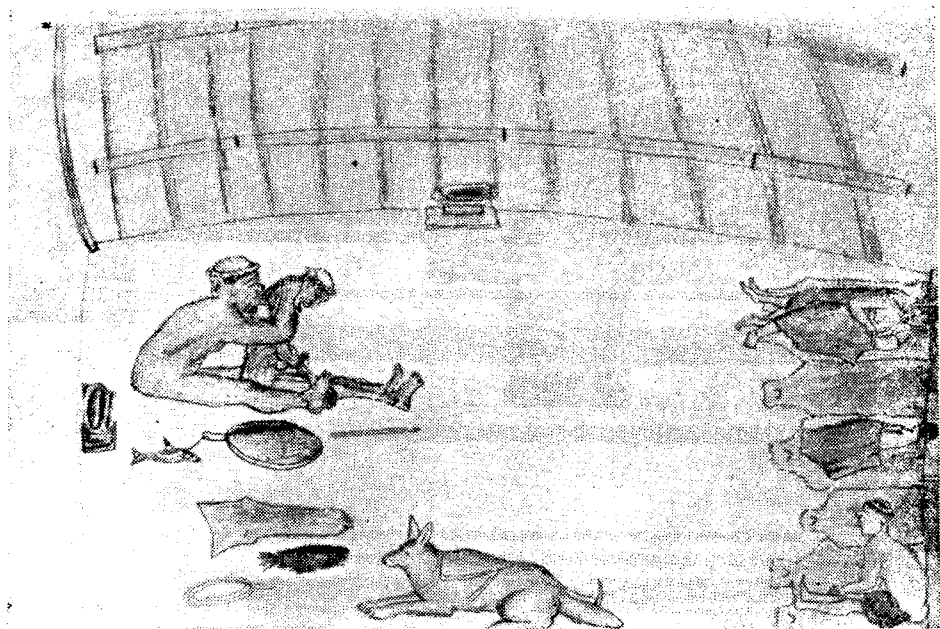

Рис. 5

месте жертву, охотник решил его разбудить и прикоснулся к нему пальцем. Пичвучин исчез, а испуганный охотник, вернувшись в селение, почувствовал себя плохо и слег. Родственники заболевшего озабочены случившимся, они не могут понять причины внезапного приступа болезни. Больному становится все хуже, он не встает с постели и до крайности похудел. Позвали шамана. Собаки в упряжке, ремень, мешок с жиром и кусок подошвенной лахтачьей кожи — плата за сеанс. В пологе тепло. Два жирника позволяют шаману раздеться догола для трудной работы — высасывания болезни.

На рис. 5 изображен процесс лечения. Рядом с шаманом — яранг; к ручке его привязано сделанное из дерева изображение касатки — по-

⁶ В. Г. Богораз указывает, что Пичвучин часто показывается, подходя ко входу в жилище, в виде маленького черного щенка. В таких случаях нужно немедленно принести ему жертву, и тогда на следующий год большой кит будет выброшен морем (В. Г. Богораз, Чукчи, т. II, стр. 9).

мощника шамана, которому он отдает часть получаемой за лечение платы, т. е. попросту кормит его, намазывая рот жиром и кровью. Роственники, чтобы не мешать шаману, лежат на оленьих постелях у входа, положив головы на порог, служащий изголовьем. Один из присутствующих сидит, наблюдая за действиями шамана. Но тщетно, шаман не удалось высосать причину болезни. Тогда он, взяв ярар, начинает призывать своих могущественных помощников. «Ветли» — воров,

Рис. 6

«нутэ-келе» — земляной дух, «Ин'ыпчик» — касатка-оборотень и «пиписыльгын» — мышь явились к нему на помощь. Но, оказывается, и они бессильны справиться с духом болезни. Тогда шаман решает отправиться в путешествие и посетить небо и преисподнюю, чтобы просить помощи у духов неба и земли.

На рис. 6 изображен шаман у входа в верхний мир — небо; из яранги, где живет солнце, вылетает великий ворон, помощник Ваыргын'а. На шее у ворона висит Уни-энер — полярная звезда, украшенная кисточкой из оленьих волос, являющихся символом шаманской силы. Сказав, что он желает говорить с самим Ваыргын'ом, и получив разрешение, шаман предстоит перед владыкой верхнего мира, создателем людей и всего живого. У Ваыргын'а большой рот. Он любит покушать, но люди забывают приносить ему жертвы, и в знак нерасположения к людям он закрыл один глаз, не желая заботиться о неблагодарных. Но на сей раз Ваыргын милостиво разговаривает с просящим у него помощи шаманом и обещает ему помочь вылечить больного, прислав свое «лицо».

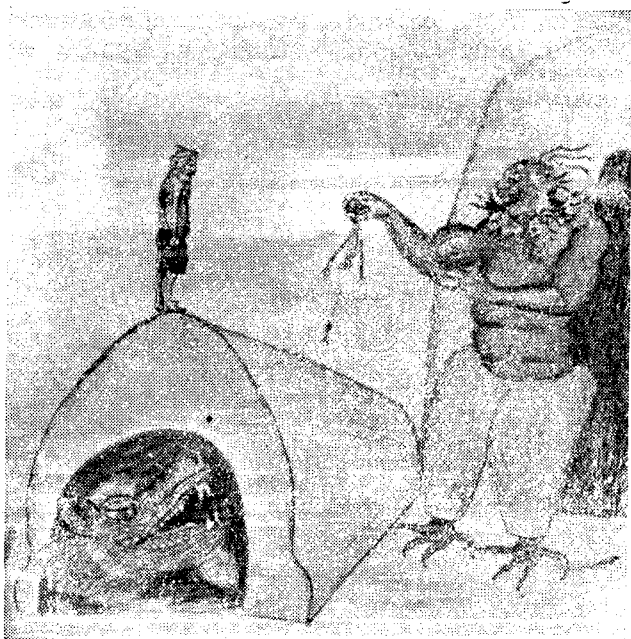

Рис. 7

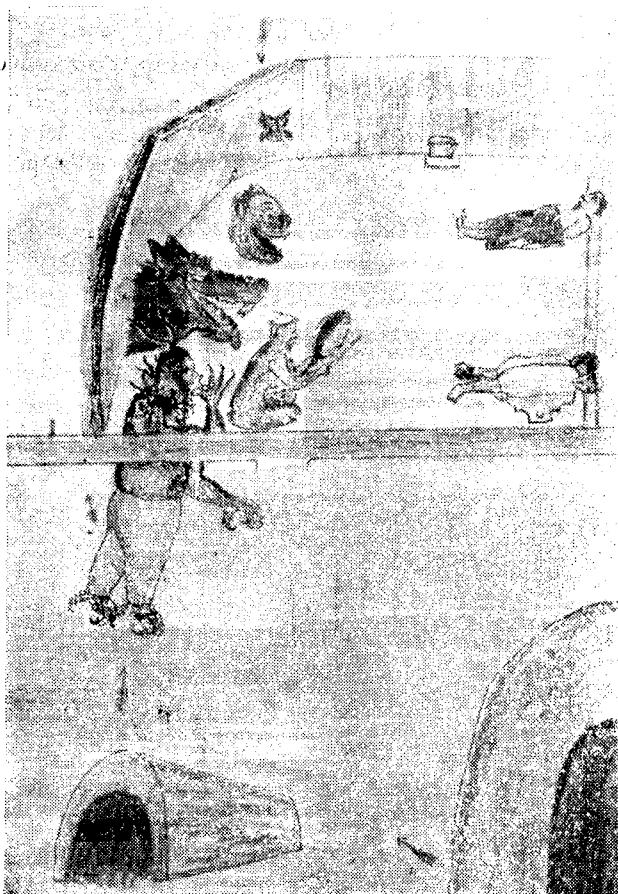

Рис. 8

На рис. 7 шаман перед хозяином преисподней. «Нотаск-аунралин» — владыка нижнего мира (земли) — вышел из яранги; на нем надеты

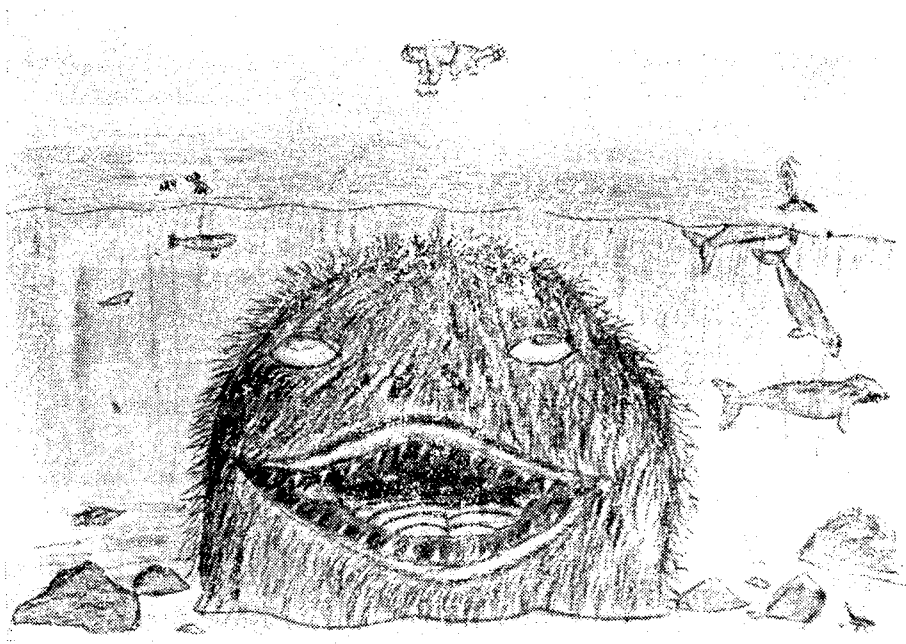

Рис. 9

только конагты (штаны) из оленьей шкуры; пальцы на ногах и руках духа оканчиваются огромными когтями, напоминающими лапы хищных птиц. Кроме главной большой головы у него еще четыре головы мень-

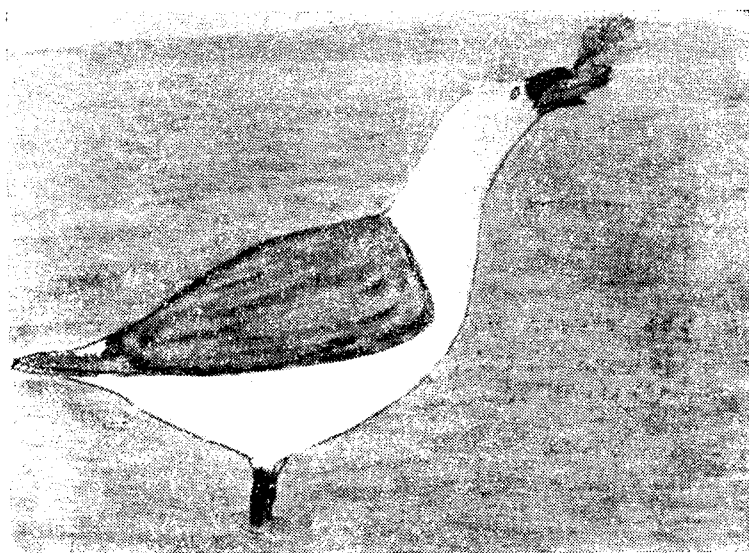

Рис. 10

ших размеров на груди и плечах. Головы с большими зубастыми ртами украшены длинными лентообразными листьями. Выслушав просьбу шамана, хозяин преисподней дает ему чудодейственный амулет из шкурки

горностаю и обещает, если амулет не поможет вылечить больного, притти сам со своим помощником — гигантской собакой, подобно Церберу, охраняющей вход в преисподнюю. Очевидно, амулет не помог, и на призыв шамана явились сами хозяева вселенной: владыка верхнего ми-

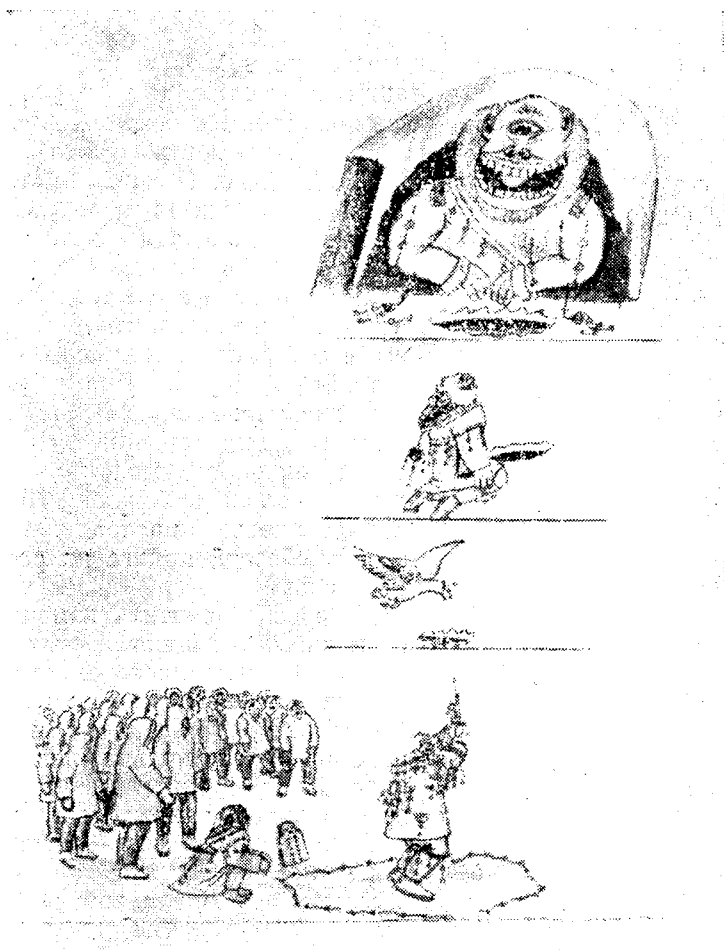

Рис. 11

ра, сопровождаемый вороном, и владыка преисподней со своим помощником — чукотским Цербером (рис. 8).

Что стало с больным — неизвестно. Однажды Онно внезапно исчез. Вскоре уехал и я. Так история лечения больного и осталась незаконченной.

Рисунок 9, не связанный с сюжетом о Пичвучине, изображает анкыкеле — морского духа, лежащего на морском дне в виде огромного камня, поросшего водорослями. Глаза, ноздри и огромный рот, усаженный острыми зубами, придают ему вид антропоморфной головы. Вокруг плавают киты и другие морские звери. Над водой нарисован шаман, отправляющийся в подводное царство для встречи со своим покровителем.

К рисункам, выполненным Онно в том же году, относятся изображения Гынон-гатле (рис. 10) — гигантской срединноморской птицы. Она так велика, что рядом с ней большой океанский пароход кажется совсем

маленьким. Птица эта живет где-то посреди океана. Когда пароход попадает в шторм и вокруг ничего не видно от мглы, окутывающей судно, оказывается, это Гынон-гатле проглотила пароход. Пройдя сквозь пищевод, судно может благополучно выбраться через анальное отверстие птицы, и тогда моряки говорят, что шторм кончился. Пароход снова продолжает плавание. На рисунке показано, как птица проглатывает океанский пароход.

Рисунки 11 и 12 были выполнены Онно в 1945 г. во время моего вторичного пребывания на Чукотском побережье. В этот раз встреча с Онно была кратковременной. Исполняя для Всесоюзной выставки народного творчества ряд работ из кости, Онно все же успел сделать два рисунка в дополнение к исполненным им ранее. Темы были выбраны им

самим. Рисунок 11 изображает сцену камлания шамана Тамнэ (учитель Онно). Шаман в одежде, украшенной «тайныквыт» — амулетами (буквально: «греха отвратителями»), с магическим копьем в руках камлает на растянутой моржовой шкуре. Через орла, находящегося на первом небе, и через небесного духа, обитающего на втором небе, он обращается к Гыроль-Ваыргын'у — владыке верхнего мира и всего сущего, расположившемуся в своей небесной яранге на самом верхнем небе.

Интересно отметить изменение, происшедшее в мифологических представлениях Онно. Вместо одного неба появилось три. Ворона заменил орел; Ваыргын, фигурирующий в предыдущих рисунках, превратился в посредника между шаманом и владыкой всего сущего, заняв место на втором небе, а сам владыка — Гыроль-Ваыргын — поместился на третьем небе. Открытый глаз владыки неба (другой был закрыт) переместился на середину лба и превратился во всевидящее око. Среди украшений владыки — кушочки расшитой кожи на плечах, возможно, своеобразная интерпретация офицерских погон. Ремень через плечо и лунарный знак на левой стороне груди дополняют сходство аксессуаров божества с военными регалиями.

На земле шаману помогает его жена; ее одежда также украшена тайныквыт. Около нее «утты-мильгымыль» — снаряд для добывания огня,

одновременно являющийся антропоморфным охранителем оленьего стада и семейного очага.

Выразительно нарисованная толпа присутствующих на камлании чукчей (среди них и автор рисунка) дополняет эту интересную композицию.

Последний рисунок (рис. 12), повидимому, сделанный наспех, изо-

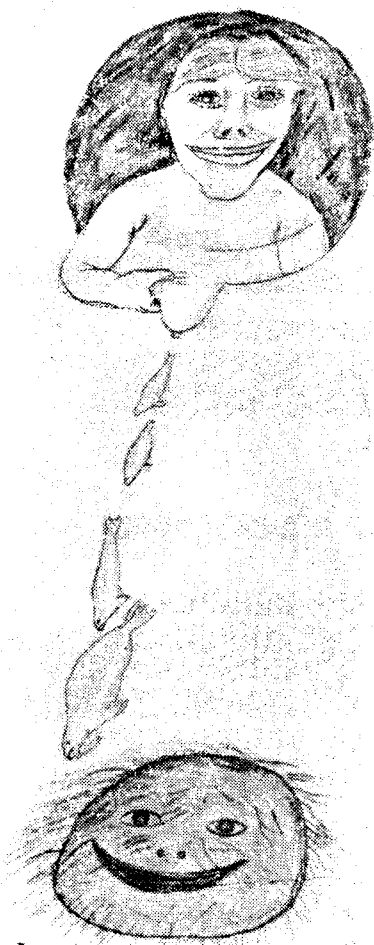

Рис. 12

бражает «пынрываыргын» — существо в виде женщины, живущей на луне и дающей людям пищу. Пища — звери, выдаиваемые из соска матерью зверей, сначала попадают в море в распоряжение хозяина моря (см. рис. 9) и затем посылаются им к берегам селений навстречу охотникам. Дающее существо — это, повидимому, та же древняя могущественная старуха, называемая чукчами моржовой матерью, на новой стадии мышления, в связи с возрастанием значения верхнего мира — неба, переселившаяся на луну.

Этим исчерпывается коллекция рисунков Онно на мифологические и шаманские сюжеты. Собираание рисунков не преследовало строго научной цели, поэтому сведения, их сопровождающие, носят самый общий характер. Однако эти рисунки возбудили интерес не только художников, но и этнографов, и историков религии, что и послужило причиной их опубликования.
